

**ВОЕННЫЙ КРАСНОЗНАМЁННЫЙ ИНСТИТУТ
– ОСИНОЕ ГНЕЗДО СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧЕБЕ**

Курс молодого бойца

*Здесь птицы не поют, деревья не растут
Глухой стеною обнесён военный институт.*

Этой глухой стеной в Лефортово, на улице Волочаевская были огорожены два новых корпуса, старинные царские красные казармы и конюшни – здания самого элитного (как мы считали) высшего учебного заведения Министерства обороны СССР – ВКИМО.

1981 год.

Мы стояли на плацу учебного центра около посёлка Свердловка, что рядом со Звёздным городком. Форма на нас, вчерашних школьников, пока сидела совсем неважно, явно не как влитая – не то, что на тех, кто пришёл в институт из строевых частей. Мы – это пятая группа первого курса четвёртого факультета, два десятка новоиспечённых курсантов со щитами и мечами в красных петлицах.

Эх, если бы знать будущее моих одноклассников, с которым нам на пять лет фактически предстояло стать дружной семьёй. Вот рядом стоит будущий руководитель Управления Администрации Президента, а позже заместитель руководителя Роскосмоса. А справа – будущий губернатор одного из регионов, которому суждено процарствовать там полтора десятка лет, а потом попасть под каток кампании о коррупции и приземлиться в СИЗО. А вон будущий генерал – руководитель московского военного суда. И вот ещё одна шишка в будущем – мой добрый друг, крупный чиновник Администрации Президента, автор практически всех военных законов начиная с середины 90-х, самый лучший и умный юрист из всех, кого я знаю. И будущий прокурор одной из республик России. Будущие руководители подразделений военной прокуратуры и следственного комитета. И вот сопредседатель Афганского фонда, который на разборках получит пулю, выживет и умотает на многие годы в США, чтобы вернуться потом и выступать в юридических телешоу. Но пока мы никто. Так, жалкие заготовки для Советской Армии, каким-то чудом прошедшие по конкурсу в военный ВУЗ, куда, как нас убеждали, попасть вообще невозможно. Но мы попали. И впереди нас ждала вешалка - курс молодого бойца.

КМБ – это зарядки, физо, тактика, уставы, окапывание, строевая подготовка – все, чтобы сделать свободного человека рабом приказов и уставов. Так началась моя армейская служба со всеми её взлётами, падениями, вершинами разума и неразумными маразмами.

Кстати, насчёт маразма – его мы хватанули полной ложкой и сразу. С первых дней КМБ курсанты начали валиться от дизентерии. И военная врачиха, относившаяся к нам как к оловянным солдатикам – мол, сдохнете, и ладно, на переплавку отправим, видевшая во всех злостных симулянтов, умудрилась дизентерийникам не давать освобождения от службы, гонять в общие наряды, в том числе по столовой. В результате половина потока в первые дни очутились в чумных бараках – то есть переехали из палаток в зимние казармы, ставшие карантинном. Какими же непотребными словами орал на врачиху приехавший на ЧП подполковник – начальник медслужбы института.

Ох, времечко было. Болезнь какая-то странная вышла - не шибко злая, без симптомов, так что я две недели валялся на койке, изображая больного, вместе с толпой таких же тунейдцев. А мои сослуживцы рвали жилы до изнеможения на полосе препятствий.

Рядом со мной скучал ставший мне другом будущий Председатель Союза нотариусов России. Мы с ним читали Достоевского и вели беседы на тему философии и литературы. Тогда это было принято – интеллектуальные беседы, даже среди зелёной молодёжи.

Наконец, нас вышибли из чумного барака обратно в палатки – одна на отделение. Ещё несколько дней мы побегали вместе со всеми – после диет и лежания на кровати это было труднее вдвойне. Потом стрельбы, где я умудрился из автомата попасть туда, куда надо. Жёлтые институтские «Пазики» - это было престижно, солдат возили на грузовиках – привезли нас на родную Волочаевскую улицу. После палаток казарма на втором этаже из трёх кубриков по пятьдесят человек, без горячей воды, показалась нам хоромами. Она стала нашей на три года.

А потом присяга – и на тридцать лет на моих плечах устроились погоны.

Вообще первые дни службы казалось, что пережить это невозможно. Ощущение как будто свободного гражданина Афин продали в рабство на финикийскую галеру. Первый курс ты как салобон в армии – постоянно скачешь. Бегаешь, всем всё должен, и страшно хочется жрать. Поэтому почти все брали из столовки хлеб и таскали в карманах, за что подвергались публичному бичеванию и нарядам по службе.

И впереди было пять лет такой жизни, которые тогда казались вечно-стью.

Юристы и переводчики

На Волочаевской перед нами открылся загадочный мир, теперь ставший нашим, во всей красоте и неприглядности. Для справки – Военный Краснознамённый институт Министерства обороны был образован на базе знаменитого Военного института иностранных языков. Он выпустил массу известных людей, его окончил и знаменитый фантаст Аркадий Стругацкий. В 1974 году к ВИИЯ присоединили военно-юридический факультет, таким образом, образовался ВКИМО.

Наш институт состоял из нескольких факультетов, блатных и не очень. Первый – западных языков, самый простой для прохождения, где собрались самые отличные дети самых отличных родителей. Курсантов там было человек тридцать.

Второй факультет – восточных языков. Относительно блатной. Там училось человек девяносто. Наиболее умные постигали японский язык, самый сложный в изучении – недаром у кого-то время от времени там слетала кукушка. Арабский язык считался относительно престижным. Арабов СССР тогда любил, всячески с ними по военному сотрудничал, поэтому у арабистов были хорошие шансы попасть по окончании института за границу – на какую-нибудь из многочисленных арабских войн. Самые несчастные люди и самая многочисленная категория там были китайцы. Язык сам средней тяжести, единственно, что там плохо – слово, произнесённое четырьмя разными тонами, имеет четыре разных значения. Этот язык был самым депрессивным, ведь у тех, кто его освоил, путь был один – десятилетиями сидеть на Дальнем Востоке и заниматься радиоперехватами. В Китай тогда у китаистов попасть шанса не было никакого, вся надежда была на второй язык – английский, но он в армии не особо и нужен, а если бы и понадобился специалист на бортовой перевод на международные военные рейсы, то для этого есть куча бездельников с первого факультета. Кстати, справедливость восторжествовала, и сегодня китаисты пристроились лучше всех, когда выяснилось, что Китай наш партнёр, а иероглифы у нас почти никто не знает.

Третий факультет был самый замороченный. Там готовили спецпропагандистов. Они изучали и западные и восточные языки в полном объёме. Но помимо этого учились куче способов выворачивать наизнанку мозги потенциального или реального противника, работать с общественным мнением, убеждать людей, что сопротивление бесполезно и в плену им будет лучше. Кстати, одна из наиболее реальных и интересных дисциплин в институте – если бы это направление развивали правильно и применяли во внутренней жизни, может, и развала Союза не случилось бы.

И наш четвёртый – самый многочисленный, по полторы сотни лиц и морд, на курсе – юрфак. Приблудыши из Военно-политической Академии, где раньше был юрфак. Переводчиков наше существования рядом с ними вгоняло в неистовство – мол, юристы проклятые испортили их рафинированную атмосферу международного сотрудничества и светских раутов запахом сапог и гуталина и тюремной романтикой.

Был ещё бабский факультет – там учились исключительно дамы из высшего общества, как правило, дочери и внучки военачальников. И моя двоюродная сестра – тоже дочка и внучка, тоже там училась, постигая итальянский язык, теперь в Италии она как своя. Они носили синюю форму, получали стипендию девяносто рублей – обычные студенты в СССР получали, кажется, рублей тридцать. И девахи не переносили, что их считают не совсем военными.

Как-то у нас с концертом выступал Владимир Винокур. Посмотрел на зал и сказал:

- Ой, что-то тут много девочек в синеньких костюмах. Это пэтеушницы?

Действительно, тогда в ПТУ такую форму таскали. Я думал, Винокуру там лицо намаринюкренными ногтями располосуют. Такой гул возмущения пошёл. Форма – это была болезненная тема для курсисток. Они все требовали на всяких собраниях институтских обрядить их в зелёную форму.

- Тогда же вас в казарму сажать надо! – возражали руководители.

- А мы согласны! – с вызовом кричали курсистки.

На строевом институтском смотре на плацу обычно на трибуне торчал замначальника института генерал-лейтенант Д. Поговаривали, среди курсисток учится его внучка. Поэтому на курсантов он обычно орал благим матом:

- Переводчики, тяните ногу! Тяните ногу. Чётче шаг. Плохо!

Это по мегафону на весь район, хотя институт считался секретным, и какие там факультеты, знать не было положено никому постороннему, хотя знали все.

На девчонок Д. умилялся:

- Хорошо, девочки! Хорошо!

Пусть ходили мы и неважно. Но курсисток вообще нужно было видеть. Толпа девок на шпильках цокают по асфальту нестройно, как стадо лошадей копытами, и ещё пытаются изображать из себя нечто военно-строевое.

Контактировали мы с ними не так, чтобы много. Почему-то сторонились. Правда, ближе к распределению начинались женитьбы, шуры-муры.

Особенно липли к ним курсанты, сами выгрызающие себе путь в жизни – это был реальный шанс через тестя или тещу получить хорошее распределение.

Имелись ещё ускоры – курсы ускоренного изучения иностранного языка. Туда брали только из армии. Год ударными темпами забивали в голову какой-нибудь язык – в основном пушту – афганский. За этот год утрамбовывали более-менее разговорную и речь и письмо. Давали младших лейтенантов – и на два года практика. Точнее – служба в какой-нибудь горячей точке. Оттуда возвращались уже старшими лейтенантами. Мы им завидовали страшно, поскольку нам до звёздочек было пилить аж пять лет.

Для того чтобы понять, что такое специальность «Иностранные языки» была в то время, нужно осознать, что такое были заграничники. Большинство населения СССР вообще не имело шансов выбраться куда-то за рубеж – железный занавес. Болгария за счастье, а капстраны – ну это вообще фантастика. Съездить в занюханный Амстердам порой становилось главным событием жизни. Жили мы за занавесом, по фильмам, рассказам и доходящим до нас западным шмоткам и технике представляли, что есть где-то там такая сказка, где люди ездят на собственных машинах и имеют магнитолы «Шарп», приобретенные без угрозы помереть от голода, копя на них. Забугорье – это было параллельная реальность. Та, куда добираются с загранпаспортами через спецтерминал Шереметьева и проходят таможенную. Откуда возвращаются с чеками Внешпосылторга, покупают машины, затовариваются в «Берёзках» импортными шмотками и даже продуктами, которых мы не пробовали и почему-то дури то считали, что они очень классные. В общем, иной мир. И заграничники были как бы иномирянами. Поехать за границу означало довести уровень благосостояния до такого, который для обычных, и даже не совсем обычных, людей был недостижим. В условиях товарного аскетизма импортные блестяшки значили очень много. И был такой пунктик у советского человека, вполне понятный – обладателей всего этого считали людьми особенными. Заграничники же по скромности своей считали себя небожителями. А остальных – ну кто-то там внизу копошится.

Вот так и с переводчиками. Нельзя сказать, что между нами была какая-то вражда, выяснение отношений. Но мы презирали друг друга искренне. Они нас считали быдлом, чернорабочими и вообще людьми бесполезными и непонятно как затесавшимися в эти святые стены. Теми, кто будет всю жизнь возиться с дезертирами и ворюгам в дальних гарнизонах и света белого не видеть. А себя видели уважаемыми заграничниками, жрущими виски на светских раутах и зашибающими чеки. Мы их воспринимали мажорами, стяжателями и фарцой, которых интересуют только чеки Внешпосылторга, на которые обменивали заработанную за границей валюту.

Эти чеки вообще для переводчиков были фетишем. Больше всего общались мы, когда лежали в санчасти. И это было испытание лежать с «переводами» в палате. Через час башка начинает идти кругом - а сколько чеков платят в Анголе, а сколько в Египте, а сколько в Афгане в аппарате советника. А где дают дипломатические чеки, а где простые. Вторая их больная тема была аппаратура. Где и сколько стоит магнитофон «Шарп», как его приволочь в СССР и где лучше продать за две тысячи рублей. И главная мечта – машина, на которую, если правильно распорядиться заработком, можно заработать за одну командировку. Создавалось ощущение, что им от жизни вообще больше ничего не нужно.

Разбаливалась голова от них очень быстро. И от их самомнения. Казалось – вся эта бодяга с международным военным сотрудничеством придумана лишь для того, чтобы «переводы» ездили по миру и зашибали чеки. И покупали машины. И прифарцовывали аппаратурой.

На самом деле, конечно, всё было далеко не так. Переводчики ждали с замиранием сердца загранкомандировки в такие страны, в которые сегодня по приговору суда не сошлешь – упрекнут в издевательствах над осуждёнными. Наши курсанты были на практике и в воюющей Эфиопии, и в истекающей кровью Анголе, и черте ещё где. Там где воевало наше оружие – а тогда это было половина стран третьего мира. И Афганистан – тогда он только начался. И наши переводчики ездили туда в аппарат военных советников, где платили очень много чеков. И в обычную армию, где платили мало чеков. Вот только бывало, что советников и переводчиков грохали афганские войска, при которых они были, и переходили на сторону душманов. Всяко бывало. Некоторым везло больше. Знал одного «ускора» - тот два года проторчал на курорте на Островах Зелёного Мыса, приехал толстый и довольный до безобразия.

Но в основном – война. И с этих бесчисленных войн постоянно шли гробы. Кто-то рухнул на самолёте, подстреленным ПЗРК. Кого-то настигла душманская пуля. Кто-то подхватил в Африке неизвестную болезнь и скончался в карантинной зоне эпидемиологической больницы на Соколиной горе, где было отделение по тропическим болезням. Всякое бывало. И, несмотря на склонность "переводов" к побрякушкам и всяческим ништякам, нужно отметить, что тащили они на себе огромную ношу войн на территории третьего мира между СССР и Западом.

В главном корпусе на первом этаже все стены были исписаны перепиской между «юрлой» и «переводами».

«От вашего ВИИЯ не осталось ни х...я». «Засуньте два ваших языка себе в ж...у» - на переводческих факультетах учили два языка.

Мечтой переводчиков было попасть в АСА - академию, готовившую военных дипломатов и Джеймс Бондов. Кстати шансов было не слишком много, потому что в Академию охотнее брали строевых офицеров, понимавших что-то в военном деле. Но вообще в военной разведке оказалось немало наших выпускников. Некоторые сделали карьеру. Вообще ВИИЯ был подчинён в старые времена военной разведке. И традиции остались ещё с тех времён.

У нас был спецфонд, куда доставлялись иностранные журналы, военные справочники, всё то, что остальным людям не то, чтобы не дозволялось, но было недоступно. И с гордостью «переводы» нам показывали журнал «Штерн», кажется, где на обложке была фотография нашего института с подписью «Осиное гнездо советской разведки».

Это приподнимало в своих глазах даже нас, юристов, которые к разведке вообще никаким боком. Но мы же тоже здесь, в гнезде - значит, причастны! А переводчики напускали на себя при этом такой задумчиво всезнающий вид – мол, наша призвание тайная война.

Кстати, у нас действительно было полно преподавателей оттуда, с тех самых гнёзд. Немецкий преподавал легендарный человек полковник Б. - всю войну пробывший нелегалом в Германии, его даже в Гестапо пытали. После войны был барменом около американской военной базы и собирал информацию у пьяных америкосов. Жил на нелегальном положении в США. Рассказывал, что его приключения в Гестапо фигня по сравнению с тем, как он однажды проспал остановку в Нью-Йоркском метро и заехал в Гарлем, вышел из вагона и на него уставилось несколько негров-людоедов. Спасибо, что очень хорошо бегал.

И таких монстров разведки и тайных дел всяких в числе преподавателей было много.

Правда, на разведывательную работу некоторые наши выпускники забредали с другой стороны. На общем собрании принародно бичевали выпускника позапрошлого года, который не только удачно продался ЦРУ в арабской стране, очумев от цацек и денег, но тут же попался, получил пятнадцать лет. Хорошо не расстреляли – тогда могли запросто к вышке приговорить.

Надо сказать, «переводов» натаскивали на профессию очень хорошо – гораздо лучше, чем на гражданке. Школа ВИИЯ – она эталонная в какой-то мере. Напротив нашей казармы был лингафонный кабинет – так они часами слушали иностранную речь, перемежаемую звуками выстрелов и разрывами гранат - для натуральности. Отдельная тема овладение военным переводом – курсант должен был знать тысячи военных терминов, при этом для начала

разобраться в военной технике, тактике. Одно слово неправильно сказанное может привести к тяжелейшим последствиям и на войне, и на учениях.

Один двоечник на учениях, где присутствовало одно дружественной командование арабской армии, так хорошо перевёл артиллеристам на арабский координаты, что те шарахнули снарядами прямо по штабу – хорошо никого не убили. Так что ошибки чреваты.

Интересно, что после выпуска юристы и переводы время от времени натыкались друг на друга. Вон, в Баку нашёлся мой товарищ со спецфака – арабист, которого занесла туда нелёгкая после Ливии. В Арабской Республике он ещё курсантом проторчал два года, и нравы описывал странные. Будучи правдолюбом, так достал руководителя военных советников в какой-то пустыне, так что тот ему объявил:

- Тут тебе Ливия. А не СССР. С шибко умными разговор короткий – за ноги, головой об камни, и в Средиземное море.

На Дальнем Востоке по доброте душевной наши ребята выдёргивали из частей китаистов, которые одуревали в своей тайге, слушая по радио китайскую речь. Устраивали их на постоянку дознавателями в прокуратуру, и те были довольные. Многие переводчики разъезжались по разным странам, как моя сестра с мужем, почти на тридцать лет прописавшаяся в Африке.

Здесь вам не тут, здесь вам Военный институт

У нас вошла в колею какая-то странная жизнь на пять лет, огороженная забором ну улице Волочаевская. Не знаю, что все подразумевают под элитным ВУЗом. Я помню бесконечную череду дней, наполненных учёбой и нарядами. Гнобили нас достаточно жёстко. Обычная войсковая часть получалась – то ты на кухне посуду моешь или выгружаешь отходы – это называлось на параше. То ты в карауле. То стоишь на тумбочке дневальным и орёшь диким голосом:

- Курс, подъём.

Строем, с песней на завтрак. Потом учёба. Самоподготовка. Вечерняя прогулка. Вечерняя проверка. Отбой. И снова по тому же заколдованному кругу.

Юристов, как самых многочисленных зелёных человечков, воспринимали как неквалифицированную массовую рабочую силу. Самые чёрные наряды, самая большая часть плаца, самое маленькое количество увольнений в город – это была наша судьбинушка. Мы были как в Спарте типа илотов, а переводчики себя ощущали истинными спартамцами.

Этот плац. Он мне до сих пор снится. Когда там выпадал с нег, он казался нам бесконечным. Очищали его часами, и мы его ненавидели. Трудно даже представить, насколько тяжело очистить плац даже в составе полной группы после снегопада. Как-то по окончании сессии, когда группа отстрелялась на отлично и по правилам должна была тут же отбыть в отпуск, нам сказали – не отоьёте лёд на плацу, не пойдите. И мы ещё день долбили ломами этот несчастный лёд.

Сочинил на пике чувств я однажды в лютую зиму стих матерный:

«Мороз, нет солнца, день ненастный.
Ещё ты дремлешь, друг несчастный.
Пора, красавец мой, проснись.
И на зарядке пое...сь.

В глазах переводчиков мы были не только осквернителями храма международных отношений. Они не без оснований полагали, что закручивание гаек началось именно с образованием общего института. ВИИЯ жил гораздо более свободно в плане дисциплины, выходов в город и общей атмосферы. После переименования там к власти пришли строгие строевики-пехотинцы, которые мечтали сделать из нас некий штрафбат. Опять же отдувались за все юристы. Поскольку дисциплина у нас и у «переводов» была несколько разной. То раздолбайство, что считалось у них изящным и куртуазным, у нас жестоко каралось.

Мы с завистью смотрели на вольные нравы переводчиков. Определялся уровень дисциплины просто. Заходишь на курс – если у тумбочки дневальный, значит, здесь царит мрак насилия над личной свободой. Если дневальный дрыхнет, и проходи на курс кто хочет – тут истинная свобода и равноправие. У переводчиков со второго курса уже редко кого встретишь на тумбочке. Мы и на пятом в общаге у тумбочки стояли, считая себя просто несчастными людьми от такого унижения. Самый раздолбаистый был третий факультет. Там вообще царила анархия. Однажды дежурный по институту нашёл на тумбочке дневального записку, приштыренную штык-ножом – «Наряд ушёл на фронт». Сейчас понимаешь, что от таких фокусов недалеко до трибунала, но тогда нас это вольнодумство восхищало.

Первый курс пролетел в кромешной тьме. До дома мне ехать от института сорок минут. И не бывал я там месяцами. На свиданки иногда приезжали родители, как к заключённым. Позже уже я выдал анекдот: вся учёба во ВКИМО, это три года общего режима (казарма) и два года колонии-поселения (общага).

Командир курса у нас был молодой капитан, но из ранних - закрутил гайки так, что дышать стало невозможно. По любому поводу сыпались наря-

ды вне очереди, так что некоторые особо продвинутые товарищи вообще не появлялись на лекциях, все время чистили сортиры, в чём достигли такого профессионализма, что учиться вообще не хотели – их и так устраивало. Капитан страшно хотел поступить в Академию Фрунзе и решил из нас сделать такую образцово-показательную деревянную армию Урфина Джуса – безмолвных, только учащихся, не имеющих ни стремлений, ни желаний, кроме как соблюдение распорядка дня. Всё было бы ничего, ну гоняют – с кем не бывает, если бы не встал вопрос о социальной справедливости.

Ребята во ВКИМО учились непростые. Министр Гречко, который благоволил к институту, говорят, там училась его внучка, выделил на ВУЗ значительные средства. Нам построили два шикарных корпуса, один выглядел небоскрёбом (при этом на шестнадцатый этаж запрещалось ездить на лифте на первых курсах, и все со стоном поднимались по лестнице), аудитории, оснащённые по последнему слову техники – от нажатия кнопки опускались экраны в классах, можно было просматривать слайды. Правда долго техника эта не прожила, а понятие эксплуатационного обслуживания тогда отсутствовало. По традиции в Институте значительная часть училась курсантов из знатных семей. Внуки маршалов и генералов, членов Политбюро, самой верхушки СССР, которых семьи прятали на строгий режим, чтобы те чего не учудили. К ним привыкли, особыми привилегиями они не пользовались. У нас учился внук одного очень крупного деятеля ЦК (сейчас хоть и не достиг уровня дедушки, но работает шишкой в Администрации Президента) – так он месяцами сидел за различные провинности без увольнений. Когда выбирался все же, то из дома приезжал на «Чайке», оставлял её за несколько кварталов и чапал пешком – лишь бы не увидели и чего плохого бы не подумали, не посчитали пустым мажором. В общем-то, все были равны. Но некоторые ровнее.

У курсанта папаша был из Главного управления кадров Минобороны, отвечал как раз за приём в Академию. И первый курс сынули мы вообще не видели в казарме иначе как утром, когда он приходил из очередного увольнения и спрашивал:

- А чего вы здесь делаете?

Он стал анекдотом курса. Начальник ему только в задницу не целовал, а так пылинки сдувал. Нас же гнобил бесстыдно. И чуть не доигрался. Один из курсантиков пожаловался своему дяде – генерал-лейтенанту КГБ, что фигня какая-то творится. Капитана вызвали на Лубянку и песочили долго со словами – нам такие офицеры не нужны.

Тот вроде бы что-то понял, хотя гнусности характера не изменил, и сын полка, то есть ГУКа, продолжал жить дома. Потом начкурса поступил в Ака-

демию, того вольного слушателя выгнали из Института за неуспеваемость. И нами стали заведовать в меру хитрые, в меру строгие, в меру доступные, в меру капризные, но в целом абсолютно нормальные курсовики. Один курсовой офицер, капитан, выпускник Маковского общевоинского училища, прибыл к нам прямо из Ливии, где был советником, и со смаком рассказывал, как для поддержки дисциплины целый день держал провинившихся под палящим солнцем при пятидесятиградусной жаре.

- Мы готовим из вас профессиональных убийц! – говорил он перед строем. – Ибо военный и есть профессиональный убийца!

Насчёт убийц он погорячился. А вот профессиональными крючковотворами мы стали. И вполне успешными.

Хотя до конца обучения с нами могли выкинуть такой фокус – за плохое поведение выстроить в аэродинамической трубе – между столовой и казармой, где вечный ветер, а ты в ПШ одном, а температура минус десять. И поддерживать так минут двадцать, чуть-чуть не достать до воспаления лёгких. Но это рабочие вопросы, в принципе, все злились, но никто особо не обижался. В целом всё было пристойно.

Тоскливее всего приходилось курсу на год старше. Там правил стальной дланью совершенно непоколебимый и непробиваемый начальник. Он держал их в таких ежовых рукавицах, что они были у него почти все отличники и ненавидели его страшно. По окончании на год выписали Рэду (кликуха командира) журнал «Свиноводство». Может быть, он и подчерпнул оттуда что-то новое в работе с личным составом. Из его пациентов многие сделали немалую карьеру – например, один небезызвестный учёный муж, зам. генерального прокурора, а потом начальник следкомитета МВД.

Самоходы – то есть самовольные отлучки. Трудно молодому парню месяцами за колючкой сидеть. «Переводы» некоторые вообще жили в самоволках, утром толпами перелезая через забор – всё это напоминало массовую миграцию животных. У нас с этим было построже, но любители всё равно были. Сами выписывали себе увольнительные, ставили где-то какие-то печати.

Увольнение в город – камень преткновения для курсанта. Первые три казарменных года в выходные согласно уставу полагалось увольнение не более тридцати процентов личного состава. И до фонаря, что это не строевая часть, а ВУЗ – уставы для всех написаны. Так что в месяц ты максимум мог выбраться пару раз. Но это в лучшем случае. Два балла, незачёт по физкультуре – сиди и не квакай, занимайся в классе или на брусьях отжимайся. Я однажды так проваландался два месяца – чего-то там исправить не мог. Были люди, которых вообще не выпускали, и спасались самоходами.

Время от времени кто-то за эти фокусы заезжал на губу. Но на губе Московского гарнизона принимали наших неохотно. Один курсантик посидел там пять суток и такую телегу наката, что Московская гарнизонная прокуратура оттуда долго не вылезала и таких плюшек там всем выписала, что при слове о юрфаке начальника губы кривило всего.

Были и массовики-затейники, которые потрясающие фортели делали. У нас был курсант – просто артистический талант. Лучше Галкина. Он в совершенстве имитировал чужие голоса. Был у нас генерал-лейтенант Д., человек в возрасте и маразме, все время чего-то вещавший с трибун на плацу. Боялись его из-за непредсказуемости страшно, и никто бы не стал никогда переспрашивать о причинах того или иного его решения.

Так вот наш парнишка приспособился по внутреннему телефону звонить начальнику курса и приказывать отпустить себя от имени Д. в увольнение. Срабатывало всегда.

Развлекался он так и в вечной войне с переводчиками. Лежит на плацу мусор. Он звонит в соседнюю казарму и голосом Д. говорит:

- Немедленно убрать.

Те тут же застучать нас рады:

- Так это юристы бросили.

- Вот именно. Они бросили. А вы за ними ходите и подбирайте, подбирайте!

Подобрали...

Неприятие всего военного, как мы говорили «дубового» - этот нигилизм жил в нас достаточно долго. Знак суворовца у нас значился как значок потерянного детства. Суворовцы и правда были накачаны все военной пропагандой, читали книги исключительно про армию и войну, чем приводили нас, интеллектуалов, в состояние ироничное и снисходительное. Антагонистами своими мы считали кремлёвских курсантов – Московское ВОКУ, самое образцовое мотострелковое училище Советской Армии – курсантов там гоняли как скаковых лошадей. Они там были все здоровенные, грубые и прямо-перпендикулярные. То есть плебеи. Мы тогда так думали, по молодости не догоняя, что каждый занят своим делом.

Мы ненавидели строевую подготовку, хотя стрельбы воспринимали благосклонно. Не переносили лагеря. Где ползали брюхом по снегу, изображая роту в наступлении. Это было как-то далеко. Хотя формально мы были и армия, но духа какого-то воинственного у нас особого не было. Один курсант получил пять суток губы, когда побрил виски ровно – под пацифиста (были тогда такие неформальные молодёжные движения), вообще едва не выле-

тел из института. Дисциплина, уставы и порядок воспринимались нами как обуза. Некоторое время...

Однажды по исправительно-трудовому праву повезли нас на экскурсию в зону подмосковную. Провели, показали, как житье бытие. И дали пообщаться с зеками. Общение было такого плана. Мы спрашивали:

- А как вы на ужин, обед ходите?

- Строем, - отвечали нам.

- И мы строим. А вот как вы к доктору отпрашиваетесь – как заболели или как начальник решает?

- Начальник решает.

- И у нас командир решает.

В общем, уставной порядок с распорядок ИТУ пересекались процентов на девяносто.

Дисциплина, дисциплина, дисциплина. Военная косточка.

Самое смешное, что после окончания мы и стали теми, про кого ёрничали – дисциплинированными, ответственными, с маниакальным стремлением к порядку. То есть теми же «дубами», и не видели в этом ничего плохого. Вся эта система трансформации сознания на нас сработала стопроцентно. И, кстати, она послужила основой, что большинство моих однокурсников добились чего-то в жизни, и прожили жизнь не зря. И теперь мальчишеские взгляды воспринимаются больше с улыбкой – ну возраст такой был. Для нас тогда тридцатилетние командиры на курсе воспринимались глубокими старцами.

Какое бы то не было отношение к происходящему – а жить было действительно нелегко, и самодисциплина и ответственность прорастали все глубже. За пять лет учёбы залёты были единичные. Были и ЧП, но в принципе незначительные. Мы становились по-настоящему взрослыми людьми. И отношения были друг с другом больше какие-то семейные, что ли. Друг за друга стояли. Вон, марш-бросок. Бросить товарища нельзя. А у нас были те, кто сдыхали. И тащили их на своём горбу, матерясь всеми мыслимыми словами. Приходили к финишу чуть ли не первыми. И снисходительно прощали со смехом доходяг:

- Ну, сдох и сдох. Больше надо спортом заниматься!

Конечно, какие-то и конфликты были, и склоки, и подзуживали друг друга, и высмеивали, не всегда добро. Но чего не было никогда – это озлобления друг к другу. И никому в голову не приходило, что нашим одноклассниками - осетин, армянин чем-то отличаются от нас. Мы и не отличались. Мы

были советскими курсантами одного из самых престижных ВУЗов. И были братьями. Надеюсь, и сейчас ими остались.

Кстати, национальности у нас были практически все представлены. Кроме одной, известно какой. В Институте был единственный еврей – на него показывали пальцем, как на диковинку, хотя был он своим в доску. И то дед его был генерал-полковником, исторической личностью, ещё в войну.

Юридические лица

Учили нас хорошо, но больше делали упор на прикладные моменты. Недаром в аспирантуру и на преподавательскую работу брали только тех, кто не менее трёх лет прослужил на практической работе - считалось, нельзя преподавать то, чего сам не пощупал.

Государственное право вёл Стрекозов – будущий зампредседателя Конституционного суда. Преподаватели были разные - от любимых до глухо ненавидимых. Больше всего мы, начинающие сыщики, Эркюли Пуаро и леди Марпл, любили всё, связанное с криминалистикой. Завкафедрой у нас был Антонов, блестящий лектор и практик-криминалист, которого постоянно привлекали к раскрытию наиболее значимых преступлений, он и вводил нас в романтику поединка с преступниками...

- Да ладно ваша криминалистика, - говорил нам преподаватель гражданского права остроумный и циничный Беспалов. - Следы зубов на потолке. Настоящая юриспруденция – это гражданское право. Остальное – это её следствия.

Обожали мы занятия по криминалистике. Выезжали в лагерь в Свердловке, осматривали там места происшествий, а именно - роняли Васю, нашу резиновую куклу в солдатской форме, и составили протокол, схемы, думали, кто его, беднягу, грохнул и чем. Допрашивали друг друга. Занимались криминалистическими играми – когда тебе дают вводную, ты пишешь, что надо сделать. Тебе дают новую вводную. В результате преступление раскрыто. Снимали отпечатки пальцев. Отстреливали раритетное оружие – у нас была уникальная коллекция, начиная с 19 века пистолы. Судебная медицина – кабинет-комната страха, где были заспиртованные части тел с различными ранами и прочие радости. На судебной фотографии фотографировали «Зенитом» и даже снимали фильмы на видеокамеру. И даже цветные. Проявить в те времена цветную плёнку – даже не знаю, с чем сравнить этот адский труд с несколькими сменами химикатов и непонятым итогом.

Почему-то любимым занятием многих преподавателей было поливать книжных героев с точки зрения тактики расследования преступлений.

- Эта дура Агата Кристи понятия не имеет, как преступления раскрывать! – эмоционально восклицал на лекции бывший прокурор-криминалист Московского округа – настоящий мастер, поднявший множество глухих преступлений.

Другой преподаватель паразитировал на фильме «Место встречи изменить нельзя», разбирая каждую серию с точки организации мероприятий и проведения следственных действий – все не так, все фигово, нужно было по-другому.

Одни предметы нам преподавали интересно, ярко. Другие вдалбливали молотками так, чтобы всё отскакивало от зубов. Уголовное право и процесс преподавали вальяжный и умный доктор наук Тер-Акопов, профессор Бражник – уже в возрасте шепотной полковник, которого кликали «точка зрения» - он на любой юридический вопрос отвечал долго и обстоятельно, заявляя в итоге: «а вот есть ещё одна точка зрения» Точек зрения на самый простой вопрос у него было столько, что создавалось ощущение, будто в юридических науках вообще нет устоявшихся истин. Одни точки зрения.

По юридическим дисциплинам проводили что-то типа олимпиад. Обычно в них участвовали наши, Высшая школа милиции и Высшая школа КГБ, иногда МГУ. Самые невежественные по юриспруденции были курсанты ВШК. Правда, в отличие от нас, их усиленно учили языкам и каким-то военным премудростям, вооружению. Милиционеров готовили хорошо, с упором больше на практику, чем на теорию, но мы в теории права и анализе шарили лучше. Зато наших коллег обучали таким дисциплинам, о которых мы и слыхом не слыхивали – оперативно-розыскная деятельность. Считалось, что про агентурную работу нам знать необязательно - и зря. Это то, что нам не хватало в работе.

Самые тоскливые дисциплины были общественно-политические. Если политэкономия ещё можно было терпеть – преподаватели у нас были идейно выдержанные, но вместе с тем позволяли себе порой много, расписывая преимущества и недостатки социализма. А История КПСС – это было нечто. Объявили, что у нас ВУЗ идеологический, поэтому вместо двух семестров мы изучаем её целых три. По-моему главного нашего лектора готовили сначала на гипнотизёра. Он так мастерски усыплял аудиторию за каких-то несколько минут. Особенно когда мы вставали в шесть утра перед этим и пёрлись через пол-Москвы строем в баню, лютой зимой. В холодрыгу. Отключались все, но лектор был не злобный, и лишь изредка призывал проснуться и внимать. Результат налицо – из истории КПСС помню только то, что узнал уже после окончания ВУЗа для интереса и из разных книг.

Но самой большой головной болью мы считали военную подготовку. Куча всяческих военных дисциплин – ОМП, тактика, бронетехника и вооружение, ещё Бог знает что. Мы это сразу внутренне отвергали. Это все дубовая кафедра, это нам не нужно, потому что мы элиты, мы юриспруденция, наш друг не Наполеон, а Перикл с его законами. В этой позиции был максимализм мальчишек, одетых в военную форму, лишённых свободы передвижения, разлинованных уставами, но вместе с тем постигавших философию и смысл бытия в ракурсе юриспруденции. В общем-то, это было простое высокомерие.

Тактику мы учили все пять лет. И мне кажется, достаточно по-дурацки. Потому что нас обучали не как в военных училищах – максимум действия роты, батальона. Нас обучали действиям общевойсковых армий. В результате как командовать фронтом я имею примерно представление, а как водить БТР и командовать взводом – очень приблизительное, хотя по выпуску уж ротой мы обязаны были командовать.

Забавные были занятия по военной топографии. Нам давали карту, ориентиры, и мы группами шатались по подмосковным лесам и посёлкам, выходя к цели. Оказалось, что это задача не такая уж лёгкая.

На военных дисциплинах водились уникалы. Военный историк блестяще читал лекции, с огромным юмором, и учил нас премудростям военной жизни. Огневую подготовку преподавал полковник Ш. За ним надо было записывать – ну просто народный трибун, генератор афоризмов, как небезызвестный российский премьер.

Это Ш. страшно любил выступать перед личным составом, особенно в лагерях, где был старшим. Вот и брякнул то, что потом прилипло к нам как скотч в заднице:

- Эти юридические лица, которые ходят без строя.

Так мы стали юридическими лицами, только без бухгалтерии и отдела кадров.

Огневая подготовка с ним – это длиннющие лекции, что патрон стоит как булка хлеба, а сколько мы хлеба, сволочи косорукие, сожрали своей бесцельной стрельбой. Кулак у него был огромный, он складывал кукиш и объяснял:

- Вот она, мушка-целик. Проводим мнительную прямую.

Курсовой офицер у нас был из потомственной генеральской семьи, слушал битлов, был гламурный и тоже мечтал стать генералом. У нас он перекантовывался перед карьерным взлётом. Потом попал в одну серьёзную контору, где, наверное, и по сей день. На стрельбище ему Ш. орёт;

- Старлей, быстро сюда!

- Вы почему на меня кричите? – возмущался курсовой. - Я всё же офицер!

- Гавно ты, а не офицер!

Притом «гавно» произносилось со вкусом и слышалось как «Хаф-фно» - с ударением на первый слог.

Отдельная песня было физо. В основном бег – бегали мы как лошади. У нас преподаватель был – по-моему, чемпион мира или Олимпиады по марафону. Он и мечтал сделать из нас марафонцев со словами: так, километр бежим, быстренько так. Теперь километр отдыхаем лёгким бегом. Километр бежим.

С беготнёю у меня всегда было плоховато. Вот с гирями нормально – руки сильные. А с беготней на все дистанции, лыжами и метанием гранаты совсем швах. И меня постоянно оставляли тренироваться в субботу воскресенье, загоняли в спортзал, где я любовался на наших качков, тягающих блины, и каратистов, молотящих по груше.

Помимо учёбы мы старались соответствовать понятиям человек думающий, образованный. И, кстати, командиры эти устремления разделяли. Например, вырваться в увольнение было затруднительно, но если ты брал пару билетов в театр, то тебя туда пускали группой. Пускали и в музеи. У нас была хорошая библиотека, и мы читали и классику и новомодные книги. И Маркеса, и Стейнбека. Зачитывали некоторые книги до дыр. Затевали дискуссии. Чуть ли не до мордобоя, какой поэт лучше высказал метания серебряного века. Притом это считалось как бы обязательным – быть культурным и широко образованным, хотя тоже всякие у нас попадались, некоторые были явно не отягощены излишними мыслями и знаниями. Но запрос на интеллект имелся.

Постоянно нам привозили лекторов на сколько темы – помню Бовина, который говорил явно что-то не предусмотренное официальной идеологией. Привозили артистов. Показывали фильмы. В общем, старались делать из нас относительно разносторонних людей, за что я благодарен моей Альма Матер.

Насмеши прапорщика

Если у тебя чего-то нет, скажи об этом прапорщику, насмеши его.

Материально наша обалденная элитарная престижность не ощущалась от слова никак. Сколько потом я ездил по войсковым частям, нигде не видел,

чтобы кормили настолько отвратно. Или свалевшаяся перловка, или макаронные рожки, такие склизкие, что их сравнивали с опарышами. Располагались мы по четыре человека за столом, столовые приборы там металлические, все нормально. На стол ставилась миска якобы с мясом, где в каком-то машинном масле плавали куски неопределённого происхождения, часто со щетиной.

Шрам на моей руке – это я порезал, когда таскал австралийские туши то ли кенгуру, то ли баранов – ещё с пятидесятих годов, из госрезерва, которыми нас кормили. Тайна, что это было за мясо такое, так и осталась до конца не раскрыта.

По воскресеньям нам давали варёные яйца, в воскресенье их выходило больше, поскольку ты ел ещё и яйца, предназначенные для боевого товарища, судьбой закинутого в увольнение. По самым большим праздникам давали котлеты – вкусные вполне, но настолько редкие – мы в ресторан «Пекин» чаще ходили.

Спасением были чипок – так называли буфет, где брали яйцо майонезом или просто яйцо сырое, выливая его в стакан и размешивая с кусками хлеба. Там ещё были шикарные эклеры. Правда, это стоило денег, получали мы тогда по семь рублей в месяц, на старших курсах по пятнадцать. Но на столовке нашей долго не протянешь. Так что тратили деньги на еду.

Объяснялось это безобразие со жратвой просто. Зампотылу был армянин-полковник в шапке-аэродроме и очень богатый.

Прапорщики наши – это отдельная песня. Они как мыши опустошали вещевые склады. Куда они девали эти сапоги простыни – просто непонятно. Закончилось всё это дело для них кисло. Схема была такая. Разворовываешь свой склад. Когда ревизия, звонишь такому же прапорщику из Академии Фрунзе и из других Академий и заводишь с их складов имущество, чтобы отчитаться перед комиссией. Когда в Академии проверка – помогаешь им тем же. Особисты, видимо, прочухали это, и были организованы одновременные встречные проверки во всех академиях. С последующими уголовными делами.

Наш полковник, военный историк, человек потрясающего чувства юмора и язвительности, помню, поймал прапорщика, тащившего домой украденный шмат мяса, и гордо конвоировал его по институту.

Впрочем, сапоги яловые нам давали, обмундирование тоже, так что страждущими мы не выглядели. Только первые два курса воровали друг у друга хлястики для шинели. Стоит одному хлястику пропасть, как все начинают снимать их у соседей, потому как без хлястика нельзя – нарушение формы одежды.

Интересно, у нас были некие маркеры, кроме курсовок на рукаве отмечающие срок службы. Распущенные ремни, как у дембелей в армии, были не приняты, хотя на первом курсе все ходили затянутые, потом ослабляли ремни, но не до безобразия. А вот сумки – это другое дело.

Для тетрадей и учебников нам выдавали клеёнчатые сержантские сумки. В них мало что влезало, и были они страшненькие. Но командиры следили, чтобы ходили именно с ними. На втором курсе нам начали позволять менять их на кожаные офицерские. А родители у многих были офицеры, поэтому и отдавали им. Но это было ещё так, шуточки. Настоящий престиж начался с четвёртого курса, а у "переводов" – со второго-третьего. Когда начали таскать дипломаты. Обычные портфели не котировались. Вот дипломат – это да. Тогда в ходу были индийские «Вип» – стоили дорого, да ещё и дефицитные, но мы доставали, и сразу переходили в категорию людей серьёзных.

Но за «переводами» нам было не угнаться. Они во время заграничных практик накупят таких дипломатов, которых в России и не видывали – с отливом, роскошными замками. Это было как бы обозначение – кто есть кто. Мы завидовали. Но без злобы.

Ещё один заскок был – но это уже на пятом курсе. Поскольку институт был старше по статусу, чем обычное военное училище, давал академическое образование, то нас страшно бесило, что мы как обычные люди вынуждены носить синие поплавки военных училищ. Как-то там по статусу могли таскать белые академические поплавки, но нам их никто не давал. И перед выпуском прапорщики развернули торговлю ими. То ли десятку стоил, то ли типа того. Но в войска уехали на какие-то там синие поплавковые «дубы», а «академики». Кстати, на местах эта пыль в глаза действовала, не раз слышал – такой молодой, а уже академию закончил. Потому что поступление в Академию было мечта для строевого офицера, а тут лейтенант – и уже оттуда. Завидно же!

Общага

На четвёртом курсе нам объявили, что мы теперь взрослые люди. Мы оставили казарму и переехали в общагу – такое многоэтажное здание на территории института, где были комнаты на два-четыре человека и один санузел на две комнаты. Ну, роскошь просто нереальная. Переводчики её давным-давно прозвали «Хилтоном». Ещё более приятным выглядело то, что нам, кто по полгода без увольнительных сидел и города не видел, разрешили ночевать дома. В девять, после сампо – самоподготовки, уезжаешь. И

приезжаешь к восьми утра. Ну, шикарно же. На метро покатаешься, где люди ходят не в форме. Себя покажешь, такого красивого.

Правда, счастье это было москвичам. И ещё женатиками. На третьем курсе все начали жениться обрывать тещами и детьми. И даже появился женсовет, женкомитет какой-то – и там курсанты наши собрались такие юркие, настырные, все время чего-то там требовали, чем раздражали всех.

Но была одна заковырка. Домой не отпускали двоечников и залётчиков. То есть схватил пару, не пробежал лыжню на время – гуд бай родной дом. Сиди в Хилтоне. А так как у меня постоянно что-то там не срасталось, то постоянно я и зависал. Через некоторое время такой жизни становится уже вообще до фонаря, что там на воле происходит. Ну не отпустили в воскресенье в увал, сидишь, жрёшь за весь курс масло, яйца и ещё что дадут, в кино сходишь – лепота.

Комсомольцы

Это была отдельная каста. По традиции лучше всего распределялись по окончании института активисты комсомольцы и отличники. У комсомольцев шансов было больше, кто там за курс или факультет отвечал, и туда лезли не самые преданные делу партии, а самые ушлые. И выплывали они наверх, часто портя жизнь окружающим, кого-то в чем-то изобличая и комсомольски карая.

У нас как-то эти внесудебные комсомольские расправы над неугодными не практиковались. Но все же пострадавший у нас был – выпихнули из комсомола и из института уже на четвёртом курсе. Лева – двухметровый толстенный детина с наивным улыбающимся лицом, профессиональный залётчик. Конечно, заскоки у него были – грешков было немало, ему все вспомнили, в том числе и прослушивание в комнате эмигрантских песен. Я и ещё пара человек голосовали против того, чтобы до его покарать, но в лучших традициях перестроечной истерики (ещё до перестройки) все так накрутили друг друга, что вполне искренне избавились от врага. Тогда я понял, что при желании даже самый терпимый коллектив можно накрутить на что угодно.

Были и профессиональные стукачи. Курсантам, без пяти минут офицерам, по Москве запрещалось ходить в гражданской одежде. По уставу ты всегда должен быть в форме. Но помимо того, что обулаивать личные дела в таком виде не всегда удобно, а тут ещё комендатура. Мы сами ходили в комендантские наряды по городу и прекрасно знали, что у старшего патруля одна задача – записать как можно больше народу за нарушение формы одежды, иначе ему самому будут неприятности за бездействие. Поэтому попадание на глаза патрулю означало, что тебя как столб осмотрят и обяза-

тельно докопаются. Запишут замечание, а потом из комендатуры в институт бумага с твоим именем – и сиди месяц без увольнений. А патрулей тогда много было, чуть ли не на каждой станции. И не пройдёшь мимо. Эти гонки с патрулями стали народным спортом. Наиболее отвязанные наши парни с ними просто дрались. Были такие молотобойцы, которые отбивались боксёрскими ударами от патруля и перемахивали через забор института ласточкой. Интересно, но последствий это не имело, забор патрули предпочитали не пересекать, а оружия пристрелить негодяя у них не было – в Москве у патрульных были только штык ножи.

В общем, понятно, при таких раскладах все переодевались в гражданку. Для этого в окрестных домах снимали квартиры – ну ещё кого привести, чайку попить. Скидывались, получалось недорого. И вот перед распределением такая сволочь из комсомольского комитета на комсомольском собрании института выступает и открытым текстом:

- Многие курсанты ходят по городу в гражданке.

И закатывает глаза – более ужасного в жизни ничего не видел.

- И гражданку они хранят на съёмных квартирах.

Заложил так заложил. После этого какие-то рейды организовали, чтобы эти хаты вычислить. И вся малина закончилась.

Вообще, такие псевдопринципиальные комсомольцы и догробили СССР. Это такая каста приспособленцев, лишённая какой-то морали и чувства локтя, но держащая нос по ветру. Они быстро перекрасились из комсомольцев в либералов и продолжают нас терзать под новыми лозунгами...

Иностранцы

Был факультет иностранцев – готовили юристов для военных структур всего нашего дружеского мира.

Это вообще люди были забавные. Монголы присылали угрюмых, с пытливыми глазами офицеров, которые ни с кем не откровенничали, жили своей жизнью, ничего обычно не нарушали и держались строго.

Кубинцы – их все любили. Курсанты – подвижные, весёлые, спортивные. На Кубе особое внимание уделяется до сих пор спорту и здоровью, и мы наглядно видели, как это происходит. Все были гимнастами. Карате тогда было запрещено в СССР, а на Кубе чуть ли не обязательно, и они устраивали спарринги. Правда, у нас рукопашку преподавал избранным знаменитый Тадеуш Касьянов, а стиль у него жёсткий. И наши каратисты говорили, что

ударная техника у кубинцев никакая, это был больше балет, чем драка. Но выглядело красиво.

Учились они очень напряжённо. Не знаю, правда или нет, но поговаривали, что неуспевающих вполне могли отозвать на Родину и там отдать под трибунал за то, что нерадиво расходуют государственные деньги и позорят перед старшим братом Остров Свободы. Кто его знает. Но по ним удрученности заметно не было. Люди очень позитивные были, и общались в рамках дозволенного с ними с удовольствием.

Отдельная песня – афганцы. Они проявляли потрясающие способности в освоении русского языка. Буквально через пару месяцев они уже вполне свободно лепетали по-русски. На этом их учёба заканчивалась - они уходили в фарцовку. Постигание премудростей юриспруденции их не интересовало вообще.

Тогда в СССР дублёнки стоили по тысяче рублей при зарплате в сто пятьдесят, и тех не было. А в Афгане этих дублёнок завалились. Вот они их и возили сюда, продавали, а туда увозили то, чего там нет – часы, калоши, утюги, примусы, всякую ерунду, которая у нас за товар не считалась, а там ценилась сильно. Восторг восточного человека – торговля. Остальное суета...

Практика

За четыре года службы привыкли, что мы никто – бесплатная рабочая сила на кухне и караульные, иногда почитывающие учебники по юриспруденции. Ты солдат, чья голова забита всякими ненужностями типа уголовного процесса и криминалистики, но употребить, куда многочисленные знания, не совсем понятно. Притом было полное ощущение, что так будет веки вечные. Горы сотрутся и моря высохнут, а мы все будем ходить в караулы и на кухню...

И тут практика – сначала следственная, потом прокурорско-судебная. И вот ты попадаешь в совершенно другое качество. Тебя объявляют приказом и.о. следователя, выдают прокурорское удостоверение, по которому к тебе ни один патруль докопаться не может, поскольку особый статус. И ты из чёрного раба превращаешься в белого пока ещё не господина, но так – господинчика. Офицеры, которые тебя гоняли, что ты честь не так отдаёшь, не так свистишь, не так голос подаёшь, уже смотрят с опаской – а что ты, сволочь такая, накопишь в его части и лично на него. Конечно, он может тебе попекать, что ботинок не чищен, но сделать ничего не может без риска превышения полномочий. Красота!

И тут выясняется, что голова у тебя забита вполне востребованными знаниями. И учили тебя неплохо.

В первый же день работы следователем я расколол взяточдателя, которого безуспешно колола вся прокуратура. Включая зампрокурора. Мы с ним поплакали друг у друга на груди, и он со словами «Далеко пойдёшь, курсант» выдал мне явку с повинной, кому и за что давал взятки. Там командир автомобильной роты ВВ умудрился организовать небольшой гешефт – вместе с гаишниками от своей части сделал несколько сот левых водительских удостоверений за две сотни рублей всем желающим, кто по-другому сделать не мог – там попадались и увечные, и один дальтоник, который тут же врезался на светофоре. Вызывали мы на допрос даже секретаря райкома, что по тем временам было вообще чем-то невероятным.

В общем, поняли мы, что учили нас не зря. Что мы кое-что можем. И что у нас есть реальная власть от имени государства. Не то, чтобы нас сильно тянуло к власти, но всё же у курсантика, который ещё вчера выгребал пищевые отходы, от этого голова кружилась сладостно.

Потом прокурорская практика – там вообще ты король, потому что при должных усилиях можешь так напроверять, что все командиры вылетят. Ну, в каком-то стройбате я и накопал им несколько палок – мордобития там и прочее, командир чуть не плакал, умоляя – забудем. А я – у меня старший есть, пусть он и принимает решение.

В общем, самолюбие своё мы приподняли нормально. И работать научились немножко на практике, а не в теории. Интересной была практика в трибунале в Северо-Кавказском военном округе в Ростове. Там впервые увидел дела тридцатых годов, троек, приговоры времён войны, которыми были завалены все архивы. «А ещё он говорил, что немецкий шнапс лучше. Штрафная рота». Много интересных дел трибунал рассматривал. Так, тогда приговорили к расстрелу офицера КГБ. Он при зарплате триста рублей набрал около миллиона рублей взяток со священников, которых курировал – без его ведома ни один перевод в новый приход не мог состояться. А денег тогда уже в церкви было достаточно.

С практики мы приехали – и опять к нарядам, караулам и в столовку. В общем, опять выяснилось, что ты вовсе и не белый человек, а снова негритёнок. И можешь только первокурсникам втирать о своей нереальной крутости – они на тебя смотрят с уважением, поскольку ты был на следственной практике, а они даже не знают, доживут ли до неё.

Распределение

Распределение это было шоу. Судьями трибуналов назначали с двадцати пяти лет, а мы были в основном младше, поэтому нас сначала отправляли начальниками канцелярий. В трибунале всегда считалась работа солидная. Во-первых, трибуналов меньше, чем прокуратур, и они обычно в больших городах, а не в каких-то глухих деревнях. Во-вторых, судьи получали больше. В третьих, работа гораздо спокойнее. В четвертых, была возможность уехать в загранку – в группу войск. Поэтому трибунал всегда выбирал лучших, отличников, зная, что они согласятся на это.

У нас курс был каким-то двинутым по фазе. Мы наслушались лекций по криминалистике, насмотрелись на профессора Кондратьева в Сербском. И нам всем вдруг сразу захотелось примерить на себя фраки непримиримых борцов с уголовной преступностью, которым суждено изменить мир. В результате в трибуналы вообще все идти отказались. И ихние кадровики чуть не плача умоляли идти к ним – для них это был абсурд. Но кое-как упаковались.

Несколько человек улетели в юридическую службу – юрисконсультами. По-моему кто-то даже попал военным адвокатом – такая ерунда была в группах войск, где гражданского адвоката взять неоткуда. Но основная масса - это рабочий класс, следователи прокуратуры. И вопрос главный – кто куда поедет?

Самый бластной, естественно, Московский округ. Он был зарезервирован для детей и внуков. Все расписано, и можно не надеяться, и не стремиться.

С первого курса нам говорили – кто лучше учится, тот лучше распределится. Может, когда так и было. Но во время нашего выпуска прокурор Среднеазиатского округа накатал гневную бумагу в ГБП, что ему присылают из института одних двоечников – так и было, туда отправляли залётчиков. Поэтому всех наших отличников взяли и запихали в Киргизию и Казахстан. Мой друг уехал в Киргизию и несколько лет обслуживал всю Республику, не вылезая из самолётов и поездов.

Забайкальский военный округ, который переводили, как забудь вернуться обратно. Льготной зоной они не считался, в отличие от Северов, и служить там могли десятилетиями, перемещаясь из каких-то там деревень в Монголию и обратно. Его тоже решили разбавить отличниками.

Помню, один из наших крансодипломников, умница, отличник, с каменным лицом выслушивает приговор кадровика:

- В Лесогорск ЗАБВО едете. Да, климат там тяжёлый. Оперативная обстановка сложная. Квартир нет. С едой туго. Но вы не бойтесь, лет через десять мы вас заменим.

Парень не выдержал и процедил:

- Да пошёл ты на ...

Кстати, теперь он зам начальника военно-следственного управления по Москве, так что у него заслуженно все сложилось отлично, человек сделал себя сам своим умом и трудолюбием.

Я попросился в Закавказье – там тепло и города большие. Меня туда и направили. Как раз приказ был – кавказцев туда не направлять. В развитие этого приказа все кавказцы вместе со мной туда и поехали – у них у всех обстоятельства были исключительные...

Военные юристы

Ну а что теперь с моим родным ВУЗом. Недавно проезжал мимо него, и меня поразило, насколько же он маленький. Для меня это был целый мир, а сейчас сего лишь небольшая площадь. И невзрачно как-то. Шикарный забор чугунный с пиками, на которых самовольщики боялись пронзёнными повиснуть и куда мы вешали стащенный с кабинета криминалистки манекен в военной форме, который дежурные принимали за обнаглевшего курсанта-самовольщика – сейчас там унылая бетонная ограда. «Хилтон» снесли, на его месте с теперь жилой дом со стеклянными окнами. Всё как-то не так. Или это старческое брюзжание?

Перемены потрянули наш институт сильно. Когда напасть и мор навалились на нашу страну, какое-то болезненное мироощущение проникло и туда. Девяностые стали переломом. Пошло разложение. Шустрые курсантики упёрли несколько ящиков с автоматами – воришек поймали, автоматы вернули, но после этого огнестрельное оружие из института вывели и караулы кончились. В Хилтоне юристы старшекурсники со знанием дела уже начали влезать в какие-то юридические аферы, там все время изымали то наркотики, то большие суммы денег. Апофеозом стала история с гей-бригадой. Один из руководителей крупнейшей госкорпорации задвинул в институт с глаз подальше сына-гомосека. Но тот и там не пропал. Нашёл таких же - откуда, леший их заberi, при нас таких не водилось вообще ним в каком виде! Создал из них шарашку для оказания интимуслуг. И развозил их по гей-клубам – говорят, хорошо зарабатывали.

Но и это пережили. Сегодня это единый Военный Университет. Туда собрали всех – теперь там и экономисты, и журналисты, и ещё Бог знает кто.

Даже дирижёров готовят. Несколько военных училищ, в том числе Львовское политическое, влили. Как и все образовательные реформы прошло все бес-толково, глупо и вредоносно, зато современно и эффективно. Теперь есть там платные отделения, как у людей, специальности вместо понятных юрист-правовед стали называться так, что язык сломаешь, но так и не поймёшь, о чем речь идёт. Большую часть профессорско-преподавательского состава растеряли. Уровень преподавания начал обрушиваться. Былая респекта-бельность, традиции – и ВКИМО, и других вузов, вошедших в Университет, растворились, будто и не было, вместе с нашим фирменным куражом и са-момнением. Но худо-бедно доколдыбали до наших времён. Это уже хорошо – не все ВУЗы военные выжили.

А сейчас существование военно-юридического факультета под вопро-сом. Судьи военные вообще лишились погон. У прокурорских и следкомите-та свои ВУЗы. Юридическая служба в Минобороны усохшая и народу много не поглотит. Дознаватели военной полиции? С ними вообще пока ничего не ясно. И кого будет готовить наш ВУЗ? Вопрос ставится об уничтожении воен-но-юридической специализации, и это будет очередная катастрофа.

Потому что у нас была прекрасная школа военно-юридического обра-зования, которое само по себе достаточно специфично и отличается от обычного гражданского. У нас были научные школы. Военная администра-ция, уголовное право – все это сильно специфичные сферы, которые требуют отдельного подхода.

Ну и традиции. Из нас, оболтусов, делали государственных людей. Тех, кто ныне занимает ведущие позиции во всех ветвях власти. Мы были надёжой и опорой государства. Готовы были хоть в Ирак, хоть в Чечню, хоть к чёрту в пасть. В нас вдабливали, что государство это все, а собственный карман – ничего, и многие, не все, конечною впитали это и приняли как единственно возможное в этой жизни.

Равно нельзя сбрасывать со счетов и уникальную школу военного пе-ревода. Тоже сфера настолько специфичная, что требует особого подхода особых специалистов. Этот тоже люди востребованные и государству необ-ходимые.

Надеюсь, не я один это понимаю.

Мы праздновали в прошлом году тридцатилетие выпуска. Многих уже нет в живых. Многие стали большими начальниками, нефтяными олигарха-ми, или тихими пенсионерами. Годы пролетели быстро. И со слезами на гла-за я благодарил судьбу за то, что завалился на экзаменах в МГУ и таким об-разом попал во ВКИМО, мой родной ВУЗ с родными мне людьми.